

На правах рукописи

Голованова Ирина Александровна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКИХ
И НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск – 2009

Работа выполнена в Секторе русского языка в Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН.

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Алёшина Ольга Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Шапошникова Ирина Владимировна
(Новосибирский государственный университет)

кандидат филологических наук, доцент
Федянина Любовь Ивановна
(Кемеровский государственный университет)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «**Московский
государственный лингвистический
университет**»

Защита состоится «21» апреля 2009 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 003.040.01. по защитах диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН по адресу:

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

тел.: (383) 330 84 69

факс: (383) 330 15 18

e-mail: romodan@philology.nsc.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института истории СО РАН по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

Автореферат разослан «20» марта 2009 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А. А. Мальцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена сопоставительному исследованию особенностей репрезентации невербального поведения (НП), в частности кинем и паралингвизмов, в русских и немецких художественных текстах.

В последние годы в сфере сопоставительных исследований включаются труды, ориентированные на выявление: 1) функций невербальных компонентов в разных языках, преимущественно славянских и германских (О. В. Мудрая, М. А. Антошинцева и др.); 2) вербально-невербальной экспликации эмоций в разносистемных лингвокультурах (Е. Ю. Мирцхулава, М. Д. Городникова и др.); 3) национально-культурной специфики взаимодействия вербального и невербального компонентов коммуникации в среде носителей языков разной типологической общности (в частности, на примерах русской и еврейской лингвокультур (И. А. Микаберидзе)) и др.

Широко используемые в работе термины *кинема* и *кинесика* введены в научный обиход в 1952 г. американским антропологом Р. Бирдвистелом (R. Birdwhistell). В представляемой работе *кинемами* обозначаются такие невербальные сигналы, которые намеренно или неосознанно создаются *неречевым* аппаратом, сопровождают или замещают общение и имеют определённое социально-культурное значение при передаче и восприятии мысли их исполнителя в данном обществе. *Паралингвизмы* (термин введён А. Хиллом в середине XX в.) рассматриваются как дополнительные средства передачи информации, которые намеренно или неосознанно производятся *речевым* аппаратом и которые так же, как и кинемы, являются выразителями информации о говорящем.

В комментирующей части текстовых диалогических реплик репрезентируется весь спектр элементов НП: собственно жесты, мимические движения и выражения лица, контакт глаз, позы, соблюдение или нарушение дистанции, интонационные изменения, паузы, а также «вегетативные реакции» организма на эмоциональное состояние персонажа (например, «покраснеть», «побледнеть» и т. п.). С помощью их описаний передаются характерологические привычки персонажей, их национальные и индивидуальные особенности, манера говорения, культура общения, психофизическое и эмоциональное состояния, социальный статус и внутренний мир (Ф. Пойятос, Т. А. Васильченко, Е. А. Зуева, Е. Я. Кедрова, И. А. Крым и др.).

Изучение репрезентантов НП основывается на идее о том, что каждый из элементов человеческой соматике в определенных коммуникативных

условиях приобретает особое значение. Язык, безусловно, является орудием и главным средством человеческого общения, а также универсальным средством выражения процессов мышления. Однако это не означает, что лингвистический код – единственная коммуникативная система, используемая человеком. В процессе функционирования этот код тесно переплетается и взаимодействует с другими, неязыковыми, явлениями, также участвующими в передаче информации (М. Д. Городникова; И. А. Микаберидзе; Е. Ю. Мирцхулава; О. В. Мудрая; и др.). Трансляция вербального сообщения оказывается лишь частью процесса коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения на основе сопоставительного анализа особенностей лексической репрезентации единиц НП в разных лингвокультурах. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, указывая на необходимость овладения «не столько национальным соматическим языком, сколько вербальными способами выражения и отражения этого языка» [Верещагин, Костомаров 2005: 416], объясняют это тем, что, во-первых, «соматические речения всё чаще не отражают, а фактически замещают соматизмы», а во-вторых, «соматические речения играют большую роль в тех стилях и жанрах вербальной речи, для которых существенно создание образа и в которых передаётся, наряду с рационально-прагматической, эмоционально-эстетическая информация» [Там же: 416]. Выявление и анализ особенностей функционирования паралингвистических и кинесических средств в письменном тексте, способов их репрезентации в языке национальной художественной литературы определённого периода имеют решающее значение в определении национальной специфики НП. Подобные исследования позволяют уточнить восприятие оригинального письменного текста представителями других лингвокультур.

Обучение невербальному поведению сегодня – одно из актуальных направлений в методике преподавания иностранных языков, в том числе немецкого и русского. Уже никто не подвергает сомнению тот факт, что в настоящее время недостаточно владеть иностранным языком – важно владеть всем «фондом» знаний о его носителях и об их коммуникативной культуре, включая особенности их НП.

Степень разработанности темы исследования. На данный момент глубоко проработаны многие важные проблемы в изучении НП, среди которых можно выделить следующие: 1) собственно лингвистические, социолингвистические и психолингвистические проблемы (М. Cranach; Р. Ekman; С. Izard; В. Б. Беглова; А. Вежбицкая; Б. Волек; Г. В. Колшанский; Э. Г. Куликова; В. П. Морозов; И. С. Панова-

Яблошникова; В. Г. Хлыстова; и др.); 2) лингвостилистические проблемы отображения НП человека в письменных текстах, в частности, в художественной литературе (К. Danow; F. Poyatos; J. Sena; Е. А. Анисимова; Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров; Е. А. Зуева; Е. Я. Кедрова; Е. Л. Корльханова; Н. В. Накашидзе; О. Г. Шашкина; и др.); 3) проблемы лексикографического описания невербальных сигналов тела (С. А. Григорьева и др.; Н. Н. Романова; В. Monahan; R. Posner и др.; А. Акишина; В. J. Bauml и др.; L. Iordanskaja и др.); 3) вопрос о взаимодействии систем невербальных знаков с системами естественно-языковых знаков (М. Argyle; P. Ekman, W. Friesen; E. Fricke; A. Mehrabian; И. В. Максимова; И. А. Микаберидзе; Е. Ю. Мирцхулава; О. В. Мудрая; и др.); 4) проблема преподавания особенностей НП на уроках иностранного и неродного языка, а также русского как иностранного (И. С. Баженова; Л. А. Введенская; Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров; М. Д. Городникова; Т. П. Глухова; М. Н. Козырева; В. А. Сорокин; З. З. Чанышева). В 2002 г. на базе научного центра семиотики Технического университета (г. Берлин) было организовано Международное общество по изучению жестов (ISG), в задачи которого входит интеграция усилий учёных всего мира, занимающихся вопросами НП. В рамках работы научного центра проводятся исследования, ориентированные на детальное изучение жестов, исполняемых с объектами (*artefaktbezogene Gesten*) и сопровождающих речь (*redebegleitende Gesten*), определение корпуса междометий, производимых в момент исполнения некоторых жестов, а также их культурно-специфичных черт.

Предмет и цели данного исследования определяются его аспектами: обнаружение общего (универсального) и особенного (национально-специфического) в способах репрезентации НП персонажей в разных лингвокультурах; выявление степени зависимости особенностей вербализации НП в текстах от специфики русской и немецкой культур поведения. В соответствии с поставленной целью предполагается решение ряда частных задач:

1. Определить современное состояние исследований НП, а именно: сформулировать методологическую и понятийно-терминологическую базу исследования на основе анализа работ в области сопоставительного языкознания, психолингвистики, лингвокультурологии, теории невербальной семиотики и межкультурной коммуникации.
2. Обосновать подход к тексту как к форме существования и отражения этнокультурных поведенческих традиций.
3. Провести сопоставительный анализ лексических репрезентантов

кинем и паралингвизмов, зафиксированных в русских и немецких литературных произведениях, а также охарактеризовать их специфику.

Объектом диссертационного исследования стали описанные на страницах художественных произведений кинемы и паралингвизмы, рассматриваемые как источник лингвокультурологической информации. В научной литературе известны различные термины для обозначения таких репрезентантов: *номинации* [Железанова 1982; Крейдлин 2000; Зуева 2005; Мишин 2005], *кинematическое речение* [Хлыстова 2007], *кинесическое речение* [Кильмухаметова 2005], *языковая манифестация* [Ахманова 1966; Папулинова 2003], *соматическое речение* [Верещагин, Костомаров 2005]. За **единицы исследования** были приняты однолексемные (*отмахнуться, покоситься; jammern, imarmen, lächeln*) и неодноклексемные (*скрестить руки на груди, поджать губы; sich an der Nase kratzen, mit angezogenen Knien sitzen, die Luft anhalten*) обозначения НП персонажей. Общий **материал исследования** составили более 14 000 кинесических и паралингвистических наименований (5692 – в русских и 8524 – в немецких текстах).

Источниками **материала исследования** послужили художественные произведения современных русских и немецких авторов, написанные в жанре детектива и фэнтези. Жанровое предпочтение определилось эмпирически: в ходе предварительного знакомства с разножанровыми текстовыми материалами было отмечено, что этноспецифика коммуникативной культуры наиболее ярко проявляется при сопоставлении текстов тех жанров, которые предполагают полное авторское изобретение художественной действительности, в частности жанра фэнтези, а детальное описание даже едва заметных движений тела свойственно скорее криминальным романам, в которых они нередко играют решающую роль в раскрытии преступления. Полученные в ходе исследования выводы уточнялись по материалам популярных публицистических текстов, кино- и видеоматериалами, а также по личным наблюдениям автора за НП русских и немцев в повседневном общении. Широко привлекались данные, содержащиеся в языковых и жестовых словарях, справочниках и энциклопедиях русского языка и культуры. Все это позволяет считать, что сделанные в ходе сопоставительного исследования выводы вполне могут рассматриваться как репрезентативные не только в отношении НП, описанного в художественных текстах, но и экстраполироваться на естественное НП представителей русской и немецкой коммуникативных культур. Это, однако, не исключает, а даже предполагает, что те или иные выявленные нами особенности национального НП в разных возрастных,

территориальных, гендерных, профессиональных и иных группах будут различаться по степени яркости, выраженности того или иного качества или признака.

Цель, задачи, материал настоящей работы определили выбор **методов исследования**. Были применены: метод сплошной выборки (при составлении исследовательских картотек); количественные методы; сравнительно-сопоставительный и описательно-аналитический методы. Интерпретация практического материала исследования потребовала также использование элементов контекстного, дистрибутивного и функционального анализов лексических репрезентантов невербальных единиц.

Положения, выносимые на защиту:

1. Особенности НП представителей русской и немецкой коммуникативных культур находят свое отражение в конкретных способах лексической репрезентации НП персонажей художественных текстов.

2. В немецких произведениях для вербализации сильных эмоциональных состояний персонажей используются преимущественно описания менее экспрессивных по характеру исполнения элементов НП – разнообразных мимических движений и выражений лица, а также интонационных изменений речи. Напротив, в русских текстах в таких случаях предпочтение отдается описаниям кинем рук и ног, т.е. элементам с максимально экспрессивной формой исполнения.

3. При характеристике кинем рук немецкие авторы чаще используют описания движений рук, касающихся неживых объектов. Для русского художественного коммуникативного пространства, напротив, характерно активное вторжение персонажей в личную зону друг друга, что должно быть связано с ярко выраженной коммуникативной направленностью русских на установление личностного контакта с собеседниками, а также тенденцию «распространять» на них свое эмоциональное состояние.

4. В русских текстах параязыковые средства изображают и описывают действия персонажей, а в немецких, как правило, выражают экспрессию, эмоции, оценку, а также участвуют в создании художественных образов, в том числе характеризуют возраст персонажей и даже их принадлежность к определенному художественному «этносу».

5. Организация русского и немецкого проксемиального художественного пространства имеет свою специфику, определяемую особенностями русской и немецкой коммуникативных культур.

6. Общим для русского и немецкого художественного пространства является использование описаний *нулевых кинем* и *нулевых паралингвизмов*, которые, благодаря присутствию в произведениях рассказчика, служат выразителями определенной информации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в отечественную сопоставительную лингвистику были включены данные зарубежных исследований, ранее не учитывавшиеся российскими языковедами, а также впервые был проведен сопоставительный анализ результатов речевого воплощения кинем и паралингвизмов на русском и немецком текстовом материале с лингвокультурологической точки зрения. В диссертации исследованы лексические единицы, с помощью которых НП как яркий репрезентант коммуникативных традиций «транслируется» через художественные произведения, выражая принадлежность их создателей к русской или немецкой коммуникативным культурам. НП последовательно отображается в художественных текстах, и для адекватной интерпретации художественных «миров», порой полностью вымышленных писателями, необходимо знать регулятивы национальных форм коммуникации, по своему использующих даже *нулевые кинемы* и *нулевые паралингвизмы*. Такие единицы до сих пор не становились предметом отдельного исследования, хотя они не менее значимы, чем собственно невербальные сигналы тела. Считаем, что они обязательно должны включаться в теорию и практику изучения НП.

Теоретическая значимость работы. Материал и результаты диссертационной работы вносят определенный вклад в развитие теории сравнительно-сопоставительного исследования и концептуального анализа. Теоретическую значимость может иметь предложенная в работе исследовательская схема сопоставительного изучения текстовых репрезентантов НП. В работе выявлены приоритеты в выборе описаний конкретных кинем и паралингвизмов, как в русских, так и в немецких текстах, что позволило расширить существовавшие ранее представления об этнокультурной предопределенности НП.

Результаты сопоставительного исследования могут иметь и узко **практическую значимость** – способствовать русской и немецкой аккультурации в иноэтнической среде, т. е. «усвоению человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры» [Верещагин, Костомаров 1983: 11]. Ряд наблюдений и выводов, представленных в диссертации, может быть использован при чтении теоретических курсов по невербальному поведению, лингвокультурологии, страноведению, при

разработке специальных курсов по лингвистическому анализу и интерпретации художественного текста, при составлении словарей невербальных и вербальных языков, а также в идентификации этнокоммуникативной принадлежности авторов текстов и, напротив, в стилизации национального НП. Сделанные наблюдения и выводы могут быть полезны для кино- и театральных режиссеров при экранном и сценическом воплощении письменных текстов, для редакторов, работающих с кино- и рекламными сценариями, при озвучивании русских и немецких фильмов на иностранные языки.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались:

1) на заседаниях спецсеминара «Лингвостилистика и культура речи» (Новосибирский государственный университет, 2003);

2) на Международных научных студенческих конференциях «Студент и научно-технический прогресс»: Секция языкознания (Новосибирский государственный университет, 2003, 2005);

3) на семинарах факультета германистики Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, Германия (2003-2004);

4) на III Межвузовской научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация» (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2006);

5) на региональной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, 2008).

Автор диссертации принимала участие в коллективном проекте «Стереотипы немцев о русских» (Новосибирский государственный университет, 2002, руководитель – Я. Хэльфер), цель которого – выявление на основе проведенного анкетирования немецких и русских информантов наиболее распространенных стереотипных представлений немцев о русских, и наоборот.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (317 названий исследований, из которых 184 – на русском языке и 133 – на иностранных) и двух приложений, содержащих сопоставительные данные количественной представленности описаний кинем и паралингвизмов в русских и немецких художественных текстах. Основной текст изложен на 206 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Теоретические аспекты сопоставительных исследований невербального поведения» обсуждаются проблемы, связанные с обозначенными выше аспектами исследования, приводится критический анализ соответствующей литературы, определяется понятийно-терминологический аппарат исследования.

В качестве рабочего терминосочетания нами используется *невербальное поведение* (узкое понимание), а не *невербальная коммуникация*, различаемые в научной литературе на основании наличия в слове «коммуникация» значения «интенциональность». Такой выбор обусловлен тем, что объектами нашего исследования стали описания всех репрезентируемых на страницах романов невербальных сигналов тела и голоса, а не только тех, которые характеризуются наличием коммуникативной интенции. Данное положение определяется спецификой художественного текста, в котором «физическое движение в каждом случае является обоснованным; оно всегда так или иначе связано с “психическим” движением коммуниканта» [Накашидзе 1981: 17] (п. 1.1. «Широкий» и «узкий» подходы к определению понятия «невербальное поведение»).

Поскольку вопрос об объёме понятий *кинема* и *паралингвизм* (а вместе с тем и их соотношение) до сих пор не решён однозначно, то были представлены существующие в исследовательской практике способы их типологизации с учётом широкого и узкого понимания проблемы (п. 1.2. Определение границ понятий «паралингвистика» и «кинесика»). Анализ научной литературы показал, что способы типологизации кинем и паралингвизмов, разработанные разными авторами, в том числе и зарубежными, во многом пересекаются, а нередко для обозначения одного и того же по сути явления используются разные термины – дублиеты. Применяемый в данной работе узкий подход к пониманию *кинем* и *паралингвизмов* обоснован желанием избежать терминологической путаницы и ненужного нагромождения терминов, что нередко можно встретить в работах по НП. Так, при широком понимании паралингвистики науку, изучающую собственно движения тела, называют *паралингвистической кинесикой* [Беглова 1996; Потапова 1997; и др.], а разнообразные жесты – *кинесическими паралингвизмами* [Глуценко 2003: <http://www.bgpu.ru/site/content/laboratories/ling/lakuna2003/final%20version.doc>]. Подобные терминологические предпочтения, на наш взгляд, трудно объяснить, особенно с учетом тех исходных значений терминов *кинема* и *паралингвизм*, какие им приписывали их авторы на

самом начальном этапе изучения НП человека в 40-50-е гг. XX в. (**п. 1.3. Проблема типологизации единиц невербального поведения**).

Данное диссертационное исследование проводилось на основе текстов художественной литературы, поэтому в первой главе с опорой на предшествующий опыт исследований обосновывается этнокультурная обусловленность художественного текста и возможность его использования в качестве материала для изучения НП. Ввиду того, что художественное произведение выражает писательскую картину мира, в нем наблюдается большая продуманность в выборе тех или иных лексических и стилистических средств, вербализующих кинесические и паралингвистические явления.

Особая ценность художественного произведения состоит в том, что импликации кинесического и паралингвистического характера, заложенные в письменной фиксации НП, не остаются без внимания адресата. Если в условиях живого общения значение некоторых невербальных знаков не актуализируется, поскольку ряд поведенческих деталей может остаться незамеченным адресатом, то в художественных текстах дело обстоит иначе: благодаря наличию в произведении рассказчика, читатель получает дополнительную информацию, которая позволяет более точно определить причину того или иного НП персонажа [Кильмухаметова 2004] (**п. 2. Этнокультурная обусловленность художественного текста и отражение в нем единиц невербального поведения**).

Конечно, необходимо учитывать и личностный фактор, поскольку любое художественное произведение – это результат творческого акта отдельного человека (или группы людей), а потому нельзя исключать из внимания тот факт, что вербальное описание НП может отражать субъективное авторское видение как формы, так и значения той или иной единицы НП, которое, возможно, и не присуще ей в реальном проявлении. Однако, как показал анализ материала исследования, такие репрезентанты являются скорее исключением, чем правилом. В реферируемой диссертационной работе авторские описания кинем анализируются отдельно.

В п. 3. Национально-культурная специфика невербального поведения кратко представлены основные черты русского и немецкого национальных характеров. В реферируемом исследовании под *национальным характером* понимается «совокупность специфических, психокulturологических черт нации: стиль мышления, эстетические вкусы, этические нормы, схожие побуждения, формы и образцы эмоционального поведения, проявляющиеся у большинства взрослых

индивидов данной нации и в определённой мере унифицирующих данную нацию» [Кашаев 2000: 32]. Это довольно долговременные комплексы привычек, обычаев, традиций, вкусов, предрассудков, особенностей общения, связанные с особенностями языка. «В то же время национальный характер не есть нечто постоянное, неизменное, раз и навсегда данное, не зависящее от времени и исторического развития. Он изменяется с изменением тех конкретных исторических условий, в которых живёт нация» [Мальцева 1998: 326].

В разное время исследователи отмечают, что немцам присущи, в частности, сосредоточенность, глубина души, настойчивость и вместе с тем желание отгородиться от других, в то время как русским «свойственна “ты-мы” культура и присущи такие черты, как общительность, коллективность общения, тематическое разнообразие, доминантность в разговоре, бескомпромиссность в споре, т. е. стремление к общению» [Ким 2007: 143]. По-разному организуется русскими и немцами коммуникативное пространство, воспринимаются такие обязательные этикетные нормы поведения, как гендерные знаки внимания и др.

Помимо «универсальных» характеристик речевого акта (канал связи, интенция говорящего и др.), на выбор используемых в процессе коммуникации невербальных знаков влияют особые характеристики человека как представителя определенного этнокультурного сообщества.

Во второй главе **«Репрезентация кинесического поведения персонажей в русских и немецких художественных текстах»** представлены результаты сопоставительного анализа обозначений кинесических единиц в текстах. Последовательно рассматриваются разнообразные описания кинем рук, головы и ног, выражений и мимики лица, в том числе наименования «улыбки» и «взгляда», корпусных кинем, а также отображение проксемики организации коммуникативного пространства в художественных романах. Отдельно был сделан обзор репрезентантов некоторых этикетных жестов.

В результате сопоставительного анализа кинесического материала были выявлены различия в репрезентации НП русскими и немецкими авторами. Наиболее ярко они наблюдаются в описаниях такесических кинем: такие примеры регулярно преобладают в текстах русских авторов (особенно это заметно на примерах детективов, где они составляют 34,97 % русской картотеки и 25,94 % немецкой) (**п. 1.1. Особенности текстовой вербализации кинем рук**).

Было установлено, что различны приоритеты в выборе описаний кинем рук у русских и немецких авторов. Выявить такую закономерность

позволил сопоставительный анализ репрезентантов кинем рук по четырем денотативным типам, выделенным по признаку их направленности: 1) описания ненаправленных кинем рук (например: *восторженно хлопали в ладоши; с трудом заставил себя разжать кулаки и прислушаться к словам полного пожилого человека; помахала ему рукой; applaudierten mit Händen; er senkte die Arme und verschränkte sie ineinander; mit einem herrischen Wink befahl er die Tür zu schließen*); 2) описания кинем рук, направленных персонажами на себя (например: *Матфеев потёр веки; Вальзер провёл рукой по лицу; Алтын почесала переносицу; поправила правой рукой очки на переносице; fuhr er sich mit der Hand ums Kinn; fuhr sich mit der flachen Hand übers Gesicht; er stocherte mit Vehemenz in seinem Bart herum; sie fuhr sich mit der Rechten durchs Haar*); 3) описания кинем рук, направленных одним персонажем к другому (например: *Корнелиус потрепал мальчишку по вихрам; крепко пожал Николасу руку; журналистка яростно ударила его острым кулачком в бок; Николас положил неприятному человеку руку на плечо, сильно стиснул пальцы; сутенёр толкнул маистра в плечо; er klopfte mir die Schulter; eine schwere Hand drückte mich auf eine Renaissancebank; er zog mich am Ärmel von der Tür weg*); 4) описания кинем рук, направленных персонажами к неживым объектам (например: *яростно ударил ладонью по рулю; несколько раз стукнул кулаком по столу; забарабанил пальцами по столу; маистр вдохновенно взмахнул пустой рюмкой; griff nach der Handtasche; jedes Wort unterstrich er mit einem Faustschlag auf den Tisch*).

Среди описаний кинем рук особую группу составили примеры с наименованиями жестов, ориентированных персонажем на себя, в частности, касание руками верхней одежды и аксессуаров, в том числе перстней, цепочек, чётков и т.п. Такие репрезентанты служат дополнительным средством выражения внутреннего состояния персонажа (растерянность, желание выиграть время, решимость и др.), а их регулярное повторение в отношении одного и того же персонажа непосредственно участвует в создании его художественного образа.

Представим в табл. 1 количественные данные по частоте описаний четырёх выделенных типов кинем рук.

Частота описаний кинем четырёх денотативных типов
в русских и немецких текстах

Типы кинем рук	Частота описаний кинем рук (% от общего количества их обозначений в текстах)			
	Жанр фантазии		Жанр детектива	
	Русский текст	Немецкий текст	Русский текст	Немецкий текст
«ненаправленные кинемы»	35,97 %	41,79 %	45,12 %	35,77 %
«кинемы, направленные персонажем на себя»	16,97 %	13,11 %	26,22 %	18,25 %
«кинемы, направленные одним персонажем на другого»	37,62 %	28,04 %	16,46%	3,65 %
«кинемы, направленные персонажем на неодушевлённый объект»	9,62 %	17,06 %	12,20 %	42,34 %

В результате проведённого анализа были выявлены следующие закономерности: в русских текстах примеры с такесическими описаниями кинем, направленных персонажами на других участников художественной коммуникации, регулярно преобладают в текстах русских авторов. В то же время, в немецких текстах всех жанров в большем количестве представлены описания рук, направленных на неживые объекты. Учитывая эти данные, а также тот факт, что в немецких романах «игра» с неодушевлёнными предметами помогает персонажам сдерживать свои эмоции или же выплеснуть их, не задевая окружающих, мы сделали следующий вывод: немецкая коммуникативная культура, запрещающая вторгаться в личную зону другого человека касанием, позволяет «безнаказанно» манипулировать с неживыми объектами для выражения собственных эмоций. Думается, что таким образом немцы «компенсируют» недопустимость коммуникативного прикосновения к другому человеку. Русские же, напротив, предпочитают выражать своё отношение непосредственно, т. е. использовать тактильную коммуникацию по отношению к собеседнику. Ср.: «Русская жестикаляция заметно выходит за пределы персонального пространства жестиклирующего, зачастую вторгаясь в персональное пространство собеседника» [Прохоров, Стернин 2002: 158]. Этот вывод подтверждается и нашими собственными наблюдениями.

Последующий анализ описаний проксеменной организации художественного пространства подтвердил это предположение и позволил выявить его особенности на материале немецких текстов

(п. 3.3. Этнокультурные особенности проксемного поведения персонажей). Это, во-первых, маркирование личной коммуникативной зоны как более широкой в сопоставлении с русской. В частности, описания сокращения коммуникативной дистанции персонажами в немецких текстах в большинстве случаев выражают угрозу. В немецком детективе указание на такое сокращение имеет исключительно негативное значение – попытку нанести телесные повреждения, желание убить и т.п. В немецких романах-фэнтези, несмотря на то, что сокращение дистанции репрезентирует и некоторые положительные эмоции и намерения, эта тенденция сохраняется: в 45 случаях из 97 такого рода несоблюдения дистанции вызваны негативными намерениями персонажа-инициатора приближения. В романах-фэнтези русских авторов из 67 примеров с описаниями сокращения дистанции только 7 выражают негативное намерение его инициаторов, а в остальных случаях передают интерес, желание быть рядом, доверие, доброе отношение к собеседнику. Всё это указывает на то, что отношение к личной коммуникативной зоне у русских принципиально иное, и это отношение эксплицируется в художественных произведениях.

Во-вторых, отличительной чертой немецких текстов является доминирование проксемных описаний «за столом», индивидуальным рабочим или сервировочным. В русских описаниях «застолья», где «столом» может быть любая поверхность, «стол» чаще выступает как «общая», укрепляющая взаимное доверие и объединяющая коммуникантов территория. Значительное количество немецких контекстов, описывающих двух участников коммуникации, связано именно со столом как с предметом мебели и положением владельца относительно него. В ряде случаев немецкие авторы даже уточняют размер и форму стола, не существенные для сюжета, что свидетельствует о важности стола как предмета, организующего немецкое индивидуальное коммуникативное пространство: *Zwischen uns war der löwentatze Schreibisch* [Berger 1972: 166].

Контексты с обозначениями кинем ног составили незначительный процент, как русской, так и немецкой картотек (менее 1 %). Однако, как показал анализ практического материала, в русских текстах вербализованные движения ног более разнообразны – так, описания кинемы «топнуть ногой» чаще представлены в русских романах, а кинема «сучить ногами», например, не встретилась в немецких **(п. 1.2. Кинемы ног и их отражение в русских и немецких художественных текстах).**

Информация, передаваемая с помощью описаний мимических движений и выражений лица, может касаться как внешних, так и

внутренних характеристик персонажа, а также сообщать о его отношении к предмету разговора или другим участникам художественной коммуникации. Анализ примеров с описаниями разнообразных мимических движений и выражений лица показал, что, во-первых, в немецких текстах такие движения более разнообразны по форме исполнения (в частности, чаще варьируются психосоматические процессы, преобладают описания малоэкспрессивных по характеру исполнения кинем – «сглотнуть», «стиснуть зубы», «сжать губы» и др.), а во-вторых, немецкие авторы чаще используют описания мимических движений и выражений для передачи интенсивных эмоций персонажей. Отдельную группу наименований кинем лица составили опосредованные – в этих случаях движение лицевых мускул не конкретизировано, но по авторским или персонажным ремаркам (например, *не делай такое лицо!*) читатель может догадаться о действительном выражении лица персонажа. Н.В. Накашидзе называет такие кинемы «неопределяемыми», «т. к. несмотря на то, что вербализованная кинема конкретно определена с точки зрения выражаемой эмоции, внешние её признаки не описаны» [Накашидзе 1981: 7] (**п. 2. Особенности вербализации мимических движений и выражений лиц персонажей в русских и немецких художественных текстах**).

Несмотря на яркие различия в репрезентации некоторых единиц НП, установлены и сходства. Так, анализ обозначений кинем головы не позволил выявить каких-либо культурных различий в их исполнении, что вполне согласуется с результатами известных нам научных исследований (движения головы ограничены). В то же время было установлено, что семантика однозначных, на первый взгляд, кинем головы (например, «кивнуть головой» и «качнуть головой») может варьироваться в зависимости от контекста их исполнения, что очень отчётливо прослеживается на примере письменных текстов (**п. 1.3. Кинемы головы и их лексическая репрезентация в русских и немецких художественных текстах**).

Яркие культурные различия не были выявлены в репрезентации «взглядов» детективных и фантазийных персонажей русскими и немецкими авторами. Вероятно, это связано с тем, что окулесическая культурная специфика проявляется особенно ярко в длительности, а также в направлении – т. е. по таким параметрам, которые трудно поддаются лексическому описанию. Однако данные известных нам исследований, а также наш собственный опыт длительного пребывания в немецкоязычной среде свидетельствуют о том, что каждой культуре свойственны свои типовые модели окулесического поведения: в

частности, для немцев характерен более пристальный, «цепкий» взгляд, нередко интерпретируемый русскими как «бесцеремонный» (п. 2.3. **Репрезентация взгляда и выражений глаз**).

Как в русских, так и в немецких текстах, обращённый к собеседнику корпус указывает на интерес к беседе; если же персонаж отворачивается от собеседника, то это свидетельствует о его нежелании идти на контакт. Тожественными оказались значения описаний наклона корпуса одного персонажа в сторону другого – они свидетельствуют о внимании и заинтересованности его исполнителя в происходящем, и наоборот, движение «отклониться назад» указывает на неприятие его исполнителем обсуждаемой темы, его желание выиграть время и т. п. (п. 3.1. **Описания движений и положений тела персонажей как художественный прием**).

Общим в описаниях кинем детективных и фэнтезийных персонажей оказалось использование дополнительных лексических средств (ср. *die Arme heben* и *die Arme in die Höhe reißen*, *сжать кулак* и *сжать кулачок*, *прошёл к столу* и *бросился к столу*), причем значимо описание не только самого движения, совершаемого персонажем, но и обозначение характера данного движения (ср.: *bückte sich* и *bückte sich gelassen*, *сел* и *торопливо сел* и др.). В русских и немецких описаниях кинем головы, взгляда, улыбки и др. кинем были использованы тропеические и фигуральные средства (метонимические, метафорические и т. д.), позволяющие читателю по-своему реконструировать поведенческие портреты персонажей и помогающие авторам текстов актуализовать их наиболее важные кинесические черты.

В третьей главе «**Репрезентация паралингвизмов персонажей в русских и немецких художественных текстах**» рассматриваются лексические описания паралингвистических единиц. Их особенность заключается в том, что они, хотя и не входят в систему естественного языка, в значительной степени организуют и определяют коммуникативный акт. В литературных текстах описания паралингвизмов присутствуют в авторских ремарках, в диалогических репликах и, наряду с обозначениями кинесических элементов, формируют важную смысловую часть произведений. Примеры с описаниями паралингвизмов составили 28,50 % и 35,70 % русской и немецкой картотек романов-фэнтези, и 20,91 % и 34,98 % картотек детективов.

Описанные в произведениях паралингвистические явления были нами условно разделены на три группы: 1) паралингвизмы с активным голосовым компонентом (различные голосовые модуляции, крик, шёпот, звукоподражания и т. д.); 2) звуковые комплексы, возникающие и принимающие активное участие в разного типа физиологических

реакциях, которые в акте коммуникации могут приобретать особые актуальные значения; голосовой компонент в них представлен, но имеет добавочное значение (насморк, плевки, икота, смех, плач, вздох, кашель и т.д.); 3) паузы хезитации, молчание.

Было установлено, что описания паралингвизмов в немецких текстах не только участвуют в передаче эмоциональных состояний персонажей, но и служат для характеристики их возраста (*junge Stimme*), пола (*Frauenstimme*) и определяют принадлежность к определённом художественному «этносу» (например, в контексте романов-фэнтези особым голосом обладают персонажи-эльфы и -орки).

В большем количестве в немецких текстах представлены описания тембра голоса (особенно ярко данное различие заметно на примере детективных текстов – 138 примеров по отношению к 11). На наш взгляд, такое преобладание связано с тем, что данная интонационная характеристика передаёт эмоциональное состояние говорящего непосредственно, в то время как другие признаки требуют дополнительного их осмысления читателем (например, громкий голос может быть признаком ужаса, радости, торжества или быть вызван желанием говорящего привлечь к себе внимание и др.). Вербальное отражение акцента и репрезентация логического ударения – явлений, которые лучше улавливаются на слух и сложнее всего поддаются лексическому выражению – отмечены только в немецких романах (**п. 1. Сопоставительное описание паралингвизмов с активным голосовым компонентом**).

Выявление основных способов репрезентации паралингвизмов позволило установить, какие факты устного речевого общения находят своё отражение на письме. Система словесных обозначений паралингвизмов в русских и немецких текстах представлена отдельными сопоставимыми лексемами (*шептать, кричать, смеяться, вздыхать, молчать; wispern, schreien, lachen, ausatmen, schweigen*), свободными и устойчивыми словосочетаниями (*говорить ... голосом (тоном); sagen in einem Ton*) или целыми предложениями (*они молчали; Niemand erhob die Stimme*). Однако в ходе сопоставительного анализа было установлено, что авторы немецких романов используют более разнообразные лексико-грамматические способы описания одного и того же паралингвистического явления. В частности, варьируются способы вербализации дополнительных голосовых призвуков с семантикой дыхания: если в русских романах чаще встречаются односложные глагольные лексемы (иногда в сопровождении адвербиальных конкретизаторов *глубоко, устало, горестно, сокрушённо* и др.), то в

немецких текстах указывается на место произведения вдоха или выдоха (*durch die Zähne*), описывается скорость дыхания и продолжительность вдоха / выдоха (*sein Atem ging kurz und stoßweise; der Atem des Magiers ging schnell*) (п. 2. Лексическая репрезентация дополнительных голосовых призвуков; п. 3. Описания паузирования и молчания как значимых элементов коммуникации).

Другими словами, немецкие писатели, полностью изобретающие художественные миры в своих романах, более внимательны к репрезентации паралингвистических единиц. Если параязыковые средства в русских текстах изображают и описывают, то в немецких, как правило, выражают экспрессию, эмоции, оценку. Этим объясняется большее разнообразие типов лексической репрезентации изменений голосового качества с указанием конкретизирующих его значений. Полагаем, что широкая представленность описаний паралингвизмов в немецких художественных текстах объясняется общим стремлением немецкой коммуникативной культуры к менее экспрессивным способам выражения эмоций.

В заключении подводятся общие итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения темы.

Общий сопоставительный анализ лексических репрезентантов кинем и паралингвизмов позволил определить, что особенности НП индивида (в частности, представителя русской или немецкой этнокультур), которое определяется не только и не столько его психологическими характеристиками и условиями общения, сколько его принадлежностью к определённому лингвокультурному обществу, обладающему своим культурным пространством, культурным «интерьером» коммуникативной ситуации, находят адекватное отражение в художественных текстах. В репрезентации русскими и немецкими авторами НП персонажей были выявлены определённые тенденции.

1. Русским авторам для выражения эмоций персонажей свойственно использование наименований более экспрессивных по характеру исполнения единиц НП, в частности кинем рук и ног. Для немецкой текстовой письменной культуры, напротив, более типичными являются наименования менее экспрессивных невербальных сигналов – мимики и выражений лица, а также интонационных изменений голоса.

2. Указания на те или иные паралингвистические единицы в немецком тексте характеризуют не только эмоциональные состояния персонажа, но и его социальные признаки. При этом в русских текстах они выполняют, скорее, изобразительную и описательную функции.

3. Различны приоритеты в выборе описаний кинем рук у русских и

немецких авторов: в русских текстах преобладают наименования кинем рук, направленных к другому персонажу, в то время как в немецких текстах предпочтение отдаётся описаниям манипуляций с неживыми объектами. Такое различие связано с разным отношением русских и немцев к личной коммуникативной зоне, которая, как показывают результаты исследования и эмпирические наблюдения, у немцев намного шире, чем у русских.

4. Сопоставительный анализ описаний проксемики поведения персонажей русских и немецких текстов показал, что авторы последних используют более детальные описания коммуникативного пространства (особую роль в его организации играют, например, предметы мебели, расположение собеседников в замкнутом пространстве). Также было выявлено, что сокращение коммуникативного пространства между собеседниками в немецких текстах оценивается преимущественно негативно, как попытка вторгнуться в личную зону коммуниканта.

5. Значимыми в контекстах художественных произведений являются описания *нулевых кинем* и *нулевых паралингвизмов*, которые, благодаря наличию рассказчика, не остаются без внимания адресата (читателя) и в определённом контексте оказываются не менее значимыми, чем описания собственно кинем и паралингвизмов.

Комплексный сопоставительный анализ репрезентантов кинем и паралингвизмов в текстах позволил предположить, что сдержанность немцев в кинемах, в частности в жестике, компенсируется целой гаммой тембровых оттенков звучащей речи, а также использованием дополнительных голосовых призывов, передающих разнообразные эмоции, настроение и даже черты характера. Немецкие персонажи не так активно жестикулируют, как русские, и их эмоции находят своё выражение в голосе, что должно подтверждать стереотип о немцах как о сдержанной и замкнутой в себе нации. Использование русскими эксплицитных по характеру исполнения невербальных сигналов должно быть обусловлено индивидуальным типом восприятия действительности, сила и искренность которого неизбежно «выплескивается» в общении с другими людьми.

Сопоставительный подход к изучению кинесического и паралингвистического поведения позволил взглянуть на проблему особенностей отображения НП в художественных произведениях с точки зрения его связи с национальным характером авторов произведений. Сделанные на основе детективных и фантастических текстов выводы соответствуют результатам известных нам исследований по лингвокультурологии, а также наблюдениям из личного опыта общения с немцами.

Перспективой дальнейших работ может стать исследование, посвящённое выявлению влияния гендерной принадлежности автора художественных произведений на его выбор тех или иных невербальных сигналов, используемых для репрезентации НП персонажей, а также сравнение репрезентируемых кинем и паралингвизмов в фольклорных текстах, в произведениях различных литературных направлений, что позволило бы проследить характер изменения репрезентации НП в русской и немецкой лингвокультурах. Самостоятельного изучения заслуживают «нулевые» невербальные сигналы тела и голоса и передаваемые ими значения. Ввиду выявленных нами различий в репрезентации НП авторами разных культур, было бы интересно провести аналогичный сопоставительный анализ на примере переводных текстов и проследить средства переводческой компенсации в описаниях лакунарных единиц НП.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторских и кандидатских диссертаций:

1. Голованова И. А. Интерпретация поведения литературных персонажей в рамках теории невербальной семиотики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 5. Вып. 2: Филология. – Новосибирск, 2006. – С. 86–95. – 0,8 п.л.

Статьи в научных изданиях:

1. Голованова И. А. Описание национального невербального коммуникативного поведения (по материалам русского и немецкого детективных текстов) // КЛИО. Сб. студенческих науч. работ (Труды гуманитарного факультета, Серия II: Сборник студенческих научных работ) / Отв. ред. В.И. Молодин, Л.Г. Панин. Новосибирск, 2005. – С. 180–184. – 0,2 п.л.

2. Голованова И. А. «Изолированные» подходы к изучению невербального поведения в отечественной и зарубежной исследовательской традиции // Альманах современной науки и образования. Языковедение и литературоведение в синхронии и диахронии. Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2007. – С. 88–91. – 0,4 п.л.

3. Голованова И. А. Этнокультурные особенности проксеимного поведения персонажей в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2008. № 1 (1). Ч.1. – С. 73–76. – 0,5 п.л.

Публикации материалов докладов на научных конференциях:

1. Голованова И. А. Описание паралингвизмов в художественном дискурсе (на материале русских и немецких детективных текстов) // Материалы XLI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» – Языкознание – Новосибирск, 2001. – С. 43–45. – 0,2 п.л.
2. Голованова И. А. Отражение жестикуляции и личных коммуникативных зон в художественном тексте (на материале русских и немецких детективов) // Материалы XLIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» – Языкознание – Новосибирск, 2005. – С. 60–63. – 0,1 п.л.
3. Голованова И. А. Функции невербальных знаков в художественном тексте // Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» – Языкознание – Новосибирск, 2006. – С. 80–81. – 0,1 п.л.
4. Голованова И. А. Невербальные средства коммуникации как компонент межкультурного общения (на материале русских и немецких детективов) // Язык и межкультурная коммуникация. Материалы III Межвузовской научно-практической конференции, 26–27 апреля 2006 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. – С. 45–50. – 0,3 п.л.
5. Голованова И. А. Лингвистический и лингвокультурологический подходы к изучению невербального поведения в отечественной и зарубежной исследовательской традиции // Материалы IV Межвузовской научно-практической конференции, 25–26 апреля 2007 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. – С. 34–36. – 0,2 п.л.

ГОЛОВАНОВА Ирина Александровна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКИХ И
НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Автореф. дисс. на соискание учёной степени кандидата филологических наук.

Подписано в печать 12.03.2009. Заказ № 15. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 1. Тираж 100 экз.

Типография Института катализа им. Г.К. Борескова СО РАН

